

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

УДК 316.7 + 130.2

DOI 10.18522/2227-8656.2022.3.10

EDN BZTOTR

Тип статьи в журнале – научная

АСПЕКТЫ УНИКАЛЬНОСТИ РУССКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

ASPECTS OF THE RUSSIAN ETHNIC MENTALITY UNIQUENESS

© 2022 г.

Ж. В. Андриевская*

© 2022

Zh. V. Andrievskaya*

* Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования. В статье рассматриваются некоторые аспекты русского этнического мышления. Обращается особое внимание на то, что онтологический национальный генезис формировался под влиянием двух культурных кодов – язычества и христианства. Среди важных черт русской ментальности названы стремление к единению с природой, милосердие, добрососедство, которые выросли на почве идей всеединства, всетерпения, всепонимания. А русский человек в этой ментальной системе – микрокосм, содержание которого во многом соотносится с понятием коллективного бессознательного, где одна из преобладающих идей – о передаче и трансляции исторического ментального опыта от поколения к поколению и закреплении его в упрощённой символической форме.

Методологическая база исследования. В статье в качестве методологической основы исследования выбраны теоретико-методологические идеи А. В. Лубского о ментальных программах и моделях социального поведения.

Результаты исследования. Автор представила анализ специфики русского мышле-

Objective of the study. The article discusses some aspects of Russian ethnic thinking. Special attention is paid to the fact that the ontological national genesis was formed under the influence of two cultural codes – paganism and Christianity. Among the important features of the Russian mentality are the desire for unity with nature, charity, good neighborliness, which grew up on the basis of the ideas of unity, patience, and understanding. And the Russian person in this mental system is a microcosm, the content of which largely correlates with the concept of the collective unconscious, where one of the prevailing ideas is about the transmission and translation of historical mental experience from generation to generation and fixing it in a simplified symbolic form.

Methodological basis of the research are theoretical and methodological ideas of A. V. Lubsky about mental programs and models of social behavior.

Research results. The author presented an analysis of the specifics of Russian thinking,

ния, соотношения жизни природы и быта русского человека, онтологического национального генезиса, а также русского коллективного бессознательного. Автор пришла к выводу, что общественное русское этническое сознание не остаётся в стороне от процесса формирования бессознательного. Эти уровни сознания обнаруживают взаимодействие и взаимный обмен данными. В общественном сознании происходит освоение общественно-исторического опыта, он осмысливается и транслируется на следующий виток развития русской ментальности.

Перспективы исследования. Уникальность русской этнической ментальности актуальна для изучения.

Ключевые слова: ментальность, микрокосм, синкретизм, русская культура, трансляция опыта, всеединство

the correlation of the life of nature and the life of a Russian person, ontological national genesis, as well as the Russian collective unconscious. The author came to the conclusion that the public Russian ethnic consciousness does not remain aloof from the process of the unconscious formation. These levels of consciousness reveal interaction and mutual exchange of data. In the public consciousness, the assimilation of socio-historical experience takes place, it is comprehended and transmitted to the next round of development of the Russian mentality.

Prospects for the study. The uniqueness of the Russian ethnic mentality is relevant for study.

Keywords: mentality, microcosm, syncretism, Russian culture, translation of experience, unity

Введение. Что мы сегодня называем менталитетом в целом и ментальностью, подразумевая качественную характеристику индивидуумов? Скорее всего, здесь нужно иметь в виду некое глубинное сознание, качественная характеристика которого складывается на основе анализа стабильно проявляющегося отношения к духовному и предметному: вещи, еда, дом, природа, чувства, эмоции, социум. Возможно, ментальностью можно назвать и базу, фундамент национального сознания. Но очевидно, что очертания содержания термина «ментальность» очень размыты и нуждаются в уточнении, если речь идёт о конкретном этносе. Неопределённость во многом связана с признанной невозможностью познать (измерить, назвать существенные отличительные признаки, конкретизировать причинно-следственные связи возможных изменений, развития, трансляции и т. п.) ментальность единственно верно.

Русская ментальность – явление уникальное. Сегодня её специфика на мировой арене воспринимается как феномен – таинственный, мистический, неизученный, а потому во многом непонятный ни Востоку, ни Западу. Так называемое срединное положение России даёт ей возможность, впитывая что-то из западного и одновременно из восточного, даже трансформируя это под себя, оставаться государством, особенным по своей ментальности.

Феномен русской ментальности обусловлен, скорее всего, тем, что она кристаллизовалась, вызревала долгие века, сочетая в себе отклики на взаимоотношения с окружающим природным миром, социально-политические процессы, научно-технический прогресс.

Так сложилось, что и в древности, и сегодня восприятие русским человеком любого предмета из окружающего мира, любое событие, любое действие базируются на внутреннем, не всегда осознанном, но устойчивом и фундаментальном русском характере.

Кардиоцентризм русского мышления. В вопросе уникальности русского этнического мышления речь может идти прежде всего о кардиоцентризме мышления: русский человек руководствуется в большей степени не рассудком, а движениями сердца, чувствами.

В русском фольклоре сердце – одушевлённое мерило ценности, продолжительности, локуса переживаний, чувств, мерило взаимоотношений в социуме. Сердце в центре микрокосма души, тела, судьбы, потребностей. Ср. в русском фольклоре: «сердце веселится, и лицо цветет», «сердце сердцу весть подает», «у кого на сердце ненастно, у того и в ясный день дождь», «сердце не лукошко, не прорежешь окошка», «взял с сердцем, так и ешь с перцем», «ржа железо ест, а печаль – сердце», «глазами плачет, а сердцем смеется», «по этой беде сердце не выболит». Сердце русского человека – сосредоточие истины о том, что есть справедливость, свобода, любовь, верность, счастье.

С кардиоцентризмом напрямую связано и представление об уникальном этническом признаке: широте русской души, вмещающей в себя *щедроть* (помогать – древнейшая социальная норма: отдать последнее не только близкому, родному человеку, но и любому нуждающемуся, страннику, юродивому), *милосердие* (доброжелательное отношение ко всему одушевлённому и неодушевлённому миру в целом), *уважение традиций* (как самых древних, так и новых, добавляющихся в связи со сменой типа власти, политических и религиозных убеждений и пр.), *терпеливость* (по типу «Бог терпел и нам велел» или «терпение и труд всё перетрут»: перетерпеть войну/ненастье/ «нехорошего» правителя и пр.), *доброту* – качества, которые существуют в гармонично спаянном соседстве с красотой, истиной, устойчиво-правдивыми представлениями об идеальном социальном мироустройстве.

Но при этом, по мнению Ф. М. Достоевского, широта русской души, русского сердца (сердечности) парадоксальна в том, что это необъяснимое по своему источнику вместилище извечных антиномий. Грубость, невежество, косность, варварство – с одной стороны. А с другой – стремление к теплу, солнечной светлой энергии, к познанию законов мира, транслированию своего лучшего (правильного, мудрого) опыта из поколения в поколение. Терпеливость, покорность, вера в идеального царя-батюшку и тут же способность к стихийным и долговременным бунтам с дубиной. Незлобивость, милосердие, доброта, сострадание, каноническая христианская красота, святость и жёсткость (даже жестокость) многих вековых традиций, наказаний за проступки. Вера в нечистую силу, способную погубить, разрушить дом, повлиять на судьбу, умертвить, и необычайно живой ум, стремящийся к открытию нового, интересного, полезного.

Национальный характер русских «далеко не един. В нем скрещиваются не только разные черты, но черты в “едином регистре”»: религиозность с

крайним безбожием, бескорыстие со скопидомством, практицизм с полной беспомощностью перед внешними обстоятельствами, гостеприимство с чело-веконенавистничеством, национальное самооплевывание с шовинизмом, не-умение воевать с внезапно проявляющимися великолепными чертами боевой стойкости» (Лихачев, 2001).

Соотнесение жизни природы и быта русского человека. Соотнесение жизни природы и быта русского человека, понимание всего сущего как *все-*общеживого организма для русской этнической ментальности более чем тра-диционно.

Русский человек *не* покоряет природу, *не* отвоёвывает у неё место под солнцем, *не* отбирает землю, место для дома, огорода, поля, *не* отщипывает, *не* отрезает свою норму, долю, часть, *не* отбирает материалы для жилища и еду.

Русский человек позиционирует сам себя равноправной (в какой-то сте-пени даже и равновеликой) частью природы. Насилие над природой, согласно исконной русской ментальности, принципиально исключается (в отличие от Запада, где такое насилие – норма) прежде всего потому, что природа – мать, родительское начало для человека. Отсюда и слова «матушка», «мать», «ба-тюшка», «отец» в логически уместном сочетании с любым из природных названий: «играй пока, матушка Ока, апрель на дворе», «гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной», «пшеничка по выбору кормит, а матушка рожь всех дураков сплошь», «Волга-матушка наша», «Родная земля – матушка, чужая сторона – мачеха».

Отсюда же и терпеливое отношение к любым капризам природы, ко всем невзгодам, трудностям ради хорошего урожая. Если бороться с ними – то самыми незлобивыми, органически естественными способами: вспахать полосу вокруг деревни при пожаре; покормить речку во время наводнения (так называемые требы: куски хлеба, курица, сахар, мёд, табак и пр.); поку-выркаться нагишом в росе на восходе солнца – для привлечения дождя; свя-зать верёвкой ножки стола в избе – чтобы скотина на выпасе в лесу не блуж-дала; поставить на праздничный рождественский стол именно двенадцать блюд, чтобы собрать летом хороший урожай; прогнать загостившуюся зиму стуками по стенам избы и хлопаньем ворот, чтобы земля побыстрее от холода отошла и можно было бы сеять, сажать; набрать в рот семена репы и выплё-вывать их по одному на пашню, чтобы хорошо проросли, и т. п.

Но с природой связана и одна из признанных антиномий русского мен-талитета. Н. А. Бердяев считал, что русская душа бесформенна, обосновывая это рассуждением об огромном пространстве России и обозначая, с одной стороны, способность русского человека с так называемой широкой душой к щедрости, свободолюбию, а с другой – к разгулу, беспечности, бесшабашно-сти. Об этом же писали Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов и др.

С уверенностью можно назвать уникальной чертой русской ментально-сти равнозначное олицетворение всего сущего: каждая вещь, каждое дерево, каждый дом, каждая река, гора и камень имеют свою душу, язык, судьбу, ан-

тропоморфные признаки. Равно как и признаки вещи, дома, дерева, реки, горы, камня есть у человека. Ср. русский фольклор: «камень от сердца отвалился», «держат камень за пазухой», «каменное сердце», «всякий дом хозяином держится», «брюхо что гора, как бы с ней доплестись до двора», «каково дерево – таков и клин, каков батька – таков и сын» и др.

С уважительным, почтительным, трепетным, бережным отношением к природе тесно связаны составляющие позитивного и аксиологически константного онтологического национального генезиса – милосердие, отзывчивость, добрососедство, бережливость, которые выросли на почве идей *всеединства, все терпения, всепонимания*.

Специфические черты онтологического национального генезиса. Очевидно, что онтологический национальный генезис – это своеобразная метафизическая рамка. Принято считать, что её формирование началось примерно в X в., когда на территории сегодняшней России началось слияние дух мощных культур.

В этой синкретической рамке, с одной стороны, заключена христианская идея Бога, а значит, высшей справедливости и, как логически оформленное следствие, возможность очищения души от грехов. С другой – здесь же, в этой же рамке, закаменевшие языческие представления о пограничных нечистых: домовые, лесные, полевые, речные и другие духи, которые, согласно устойчивым народным верованиям, существенно могут повлиять и на судьбу самого человека, и на его локацию, и на предметно-конкретный окружающий мир.

Уникальность современного синкретизма этих компонентов состоит в их ассимиляции (несмотря на то, что русское православие изначально пыталось избавиться от языческого пласта культуры). Так, нечисть, потусторонние духи стали чертями или (более современное) демонами (ср. равнозначное существование в русском фольклоре: «было бы болото, а черти найдутся/нечисть найдётся», «где тебя носила чёртова/нечистая сила», «чёрт/нечисть своих не берёт» и др.).

Русский человек в этой фантастической синкретической системе – микрокосм, поведение и содержание которого определяется степенью удовлетворённости взаимоотношениями с социумом (любовь, семейно-родовые связи, возможность общения и презентации и самопрезентации, реализации креативных и когнитивных идей и др.).

Недаром на всём протяжении своего развития русская культура была пронизана социоцентризмом (а также коллективизмом, общинностью, артельностью как его проявлениями), в ней всегда была акцентирована роль народного единства и особая роль государства.

В связи с этим изучаются этнические ментальные архетипы как абстрактно, так и в исторически сложившейся конкретике русской культуры: архетипические основания моделей культуры (Лотман, 1981) и философского дискурса (Анкин, 2003; Смирнов, 1999); удержание исторического единства культур (Брудный,

1983; Доманский, 1997; Евгеньева, 1999); универсальные символические коды (Кирнарская, 2004); типологии культур на основе архетипов (Лукьянов, 1995); социальные архетипы (Плюснин, 1991) и др. Вопросы, связанные с русской этнической ментальностью, актуальны для изучения.

Русское коллективное бессознательное. И здесь мы имеем в виду уникальность русской ментальности, сформировавшуюся ещё в колыбельной Руси: *русское коллективное бессознательное* (Любавин, 2002).

Для русской ментальности несвойственно понимание о жизни, решении бытовых проблем, добыче еды и т. п. в одиночку (ср. русский фольклор: «один в поле не воин», «на миру и смерть красна», «одной рукой и узла не завяжешь», «один нагрешил, а все ответят»). Границы существования родов, поселений очень размыты. Рассказывая о себе (о своём доме, о своём ремесле, об обычаях охотиться или рыбачить, о своём отношении к войнам, врагам, к политике князей/царей), русский человек имеет в виду весь накопленный опыт не только им самим, но и любой другой каким-то образом ставший ему известным (передался по наследству, услышал у завалинки, принесли новости калики перехожие или гонцы княжеские). Отсюда и частое (бессознательное) противоречие сегодняшних настроений, поступков, оценок по сравнению со вчерашними или даже с завтрашними.

Кстати, это тоже признак широты русской души. Она не заиклена на жизненном выборе, сделанном однажды и навсегда. Она может позволить себе уйти влево или вправо. Так, известный в русской истории Емельян Пугачёв, образ которого воссоздан в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка», достоин двойкой оценки. Он бунтарь, кровавый и беспощадный, поправший государственные законы. Но он же и милостивый, мудрый, радеет за народную свободу и благополучие.

В русской классической литературе XIX в. есть образцы «лишних» людей, чья широта души велика до такой степени, что совершенна непонятна: ни автору (скорее всего, подглядевшему такие антиномии среди современников), ни читателю. Григорий Александрович Печорин (роман «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова) – образ «лишнего» человека, потерянного в своём наполненном неразрешимыми противоречиями внутреннем мире. Та самая широта души, но доведённая (вроде бы как даже не по воле самого Печорина) до абсолютного абсурда, а потому чрезвычайно опасная. Или Евгений Базаров («Отцы и дети» И. С. Тургенева), надевший маску гордого и свободного нигилиста (отрицающего всё и всех), но вынужденный в конце концов её снять и... умереть. Трагична судьба «лишних» Александра Чацкого («Горе от ума» А.С. Грибоедова), Евгения Онегина («Евгений Онегин» А.С. Пушкина), Ильи Обломова («Обломов» И.А. Гончарова) и многих других более или менее известных.

Коллективное бессознательное – неотъемлемая часть менталитета русского человека. Он, конечно, может отказаться, выбрать путь только осознанного, просчитанного, рационального, ему современного, ему подходящего.

Но... тогда он превращается в «лишнего» человека. С этой точки зрения произведения Гончарова, Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Достоевского – своеобразное предупреждение о сущности менталитета русской души, где коллективное бессознательное главенствует.

Но при этом в рамках обозначенной выше типичной антиномичности русского этнического мышления в контексте национального социально-исторического опыта принято говорить о превалирующей идее коллективного бессознательного – передаче и трансляции исторического ментального опыта от поколения к поколению и, как вариант, закреплении его в упрощённой символической форме, которая как раз идейно понятна именно потому, что её содержание передавалось из века в век с почти одинаковым содержанием.

Образ пятиконечной звезды – с древности (и в язычестве, и в православии) символ защиты от тёмных сил¹, символ стремления к свету, высоким космическим идеалам. Причём и в язычестве (ср. в русском фольклоре: «Перуново стремя из семи звёзд» – символ воинской удачи, победы), и в христианстве (ср. в русском фольклоре: «небо – терем божий, звёзды – окна, из которых вылетают ангелы»). С 1917 г. звезда – символ, принятый на государственном уровне. Он абсолютно понятен именно в контексте древнейших этнических представлений о мироустройстве.

Образ белого голубя как архетип и символ мира фигурирует активно в XX в. при смене власти, во время закреплении тех или иных мирных инициатив, проведения акций, мероприятий (например, Всемирный конгресс сторонников мира после окончания Второй мировой войны). Показательно, что на официальных эмблемах в клюве голубя традиционно помещена веточка оливы, что дополнительно усиливает символический смысл этой эмблемы в связи с библейским подтекстом.

И в качестве ключевого вывода важно отметить, что общественное русское этническое сознание не остаётся в стороне от процесса формирования бессознательного. Эти уровни сознания обнаруживают взаимодействие и взаимный обмен данными. В общественном сознании происходит освоение общественно-исторического опыта, он осмысливается и транслируется на следующий виток развития русской ментальности.

Литература

Анкин Д. В. Архетипы философского дискурса // Известия Уральского гос. ун-та. 2003. Вып. 14 (27). С. 22–33.

Брудный А. Архетип: связь прошлого с настоящим // Декоративное искусство. 1983. № 8. С. 45–53.

Доманский Ю. В. Архетип: прошлое,

References

Ankin, D. V. (2003). Archetypes of philosophical discourse. *Izvestia of the Ural State University*, 14 (27), 22-33. (In Russian).

Brudny, A. (1983). Archetype: the connection of the past with the present. *Dekorative iskusstvo*, 8, 45-53. (In Russian).

Domansky, Yu. V. (1997). Archetype:

¹ У Леонардо да Винчи соотносится с контурами человека.

настоящее, будущее // Горизонты культуры накануне XXI века. Тверь, 1997. С. 47–54.

Евгеньева Т. В. Архаическая мифология в современной политической культуре // Полития. 1999. № 1. С. 33–47.

Кирнарская Д. К. Происхождение и сущность коммуникативных архетипов универсальных семиотических кодов на примере музыкального искусства // Музыкальные способности. М.: Таланты – XXI век, 2004. С. 49–56.

Лихачев Д. С. Раздумья о России: СПб.: ЛОГОС, 2001.

Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение» себя как архетипические модели культуры. Проблемы литературной типологии и исторической преемственности // Ученые записки ТГУ. Тарту, 1981. Вып. 513. 155 с.

Лукьянов А. Типология и согласование культур по основанию их архетипов. М.: Прогресс-Культура, 1995. 174 с.

Любавин М. Н. Архетипическая матрица русской культуры : дис. .... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2002.

Плюснин Ю. М. Концепция социального архетипа. Новосибирск: ИФПр СО АН СССР, 1991. 30 с.

Смирнов С. Архетипы философского дискурса : сб. ст. М.: Эйдос, 1999. 308 с.

past, present, future. *Gorizonty kul'tury nakanune XXI veka*. Tver, 47-54. (In Russian).

Evgenieva, T. V. (1999). Archaic mythology in modern political culture. *Politiya*, 1, 33-47. (In Russian).

Kirnarskaya, D. K. (2004). The origin and essence of communicative archetypes of universal semiotic codes - on the example of musical art. *Muzykal'nyye sposobnosti*. Moscow: Talanty - XXI vek Publ., 49-56. (In Russian).

Likhachev, D. S. (2001). Reflections on Russia. Saint Petersburg: LOGOS Publ. (In Russian).

Lotman, Yu. M. (1981). "Contract" and "handing over" of oneself as archetypal models of culture. Problems of literary typology and historical continuity. *Uchenyye zapiski TGU*. Tartu, 513. (In Russian).

Lukyanov, A. (1995). Typology and coordination of cultures on the basis of their archetypes. Moscow: Progress-Kultura Publ. (In Russian).

Lyubavin, M. N. (2002). The archetypal matrix of Russian culture. (Candidate Dissertation, Nizhny Novgorod). (In Russian).

Plyusnin, Yu. M. (1991). The concept of the social archetype. Novosibirsk: IFPr SO AN SSSR. (In Russian).

Smirnov, S. (1999). Archetypes of philosophical discourse: collection of articles. Moscow: Eidos Publ. (In Russian).

Для цитирования: Андриевская Ж. В. Аспекты уникальности русской этнической ментальности // Гуманитарий Юга России. 2022.3 (55). Т. 11. С. 120–127.
DOI 10.18522/2227-8656.2022.3.10

История статьи:
Поступила в редакцию – 23.11.2021 г.
Получена в доработанном виде – 16.01.2022 г.
Одобрена – 26.01.2022 г.

Сведения об авторе

Андриевская Жанна Викторовна

Докторант, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Южный федеральный университет

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 160,
e-mail: zhandan3@gmail.com

Information about author

Zhanna Viktorovna Andrievskaya

Doctoral Student, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Southern Federal University

160 Pushkinskaya St.,
Rostov-on-Don, 344006,
e-mail: zhandan3@gmail.com